

Анастасия Акулова Тлеют угли костров отгоревших...

Феникс в золотой клетке

*Мне перья дергали из крыл... А я — летала!
Пытались воздух перекрыть... А я — дышала!
Меня пугали — не люби... А я любила!
Пытались памяти лишить... Я — не забыла!
Мне говорили, боль сильна... А я — терпела!
Не смей врагов своих жалеть! А я — жалела!
Меня опять сбивали с ног... Но я вставала!
Мне говорили: не найдешь!.. Но я искала!
Твердили все: и не мечтай!.. А я мечтала!
И если даже рухнет мир... Начну с начала!*

Глава 1

Настя, Настася, Настенька... она была многим знакома в своём селе, в Рогатине. Дочь священника. Милая, весёлая девочка, с золотыми, поначалу, волосами, большими, искрящимися зелёными глазками, переливчатыми, словно воды родных земель, и мелкими детскими веснушками на аккуратненьком носике. Она на всё и на всех смотрела с доброй шуткой.

Жили, как говорится, не тужили особо — привычный, счастливый славянский быт и детство, её детство, наполненное запахами нетронутых лесов, зелёных, поросших высокой травой лугов, вспашенных полей и звука церковных колоколов.

И сколько лет, сколько зим провела в сеём счастье — неведомо. В холодные зимние ночи грела тёплая печка и мамины объятия.

— А что страшнее урагана, мама? — тихим голоском спросила девчушка, сжавшись в калачик, — Мне подружки сказывали про ужас какой-то... мол, появляется неоткуда, исчезает в никуда, лишь смерти и пожарища за собой неся... ей богу, толи сказка, толи нечисть какая, толи ветер неведомый...

Испуганно смотрела на мать, ища ответа.

Та, горько вздохнула, поплотнее укутывая дочь в одеяло.

— То татары, дитё моё, — ответила она, — давно уж не наведывались, слава Богу! Благословен Господь! О, не знать бы и впредь от них тех печалей!

Девочка испугалась, но мама её успокоила. Всё хорошо...

Село жило своей жизнью, словно отдельно от других. А годы текли, так быстро, как песок сквозь пальцы...

И вот ей уже шестнадцать.

Мать охала и с каждым днём всё больше суежилась: мол, пора б и замуж, девица на выданье!

В претендентах недостатка не было. Все хорошего положения, не бедные, не богачи, приятной внешности и так далее... но Насте хотелось ещё немного побыть свободной, весёлой. Незнающим забот ребёнком... Ведь забот у замужней славянки много: работать, убирать по дому, готовить, терпеть превосходство мужика, а главное, нарожать не меньше пятерых детей и вырастить их.

Всё это жило для неё в далёком будущем.

— Мам, пойми, дело не в нём, я... — Начала было она, прогуливаясь с матерью по тропинке к церкви.

— Да понятно, что не в нём, — разгорячилась та, укоризненно поглядывая на дочь, — это же ты отказываешься выходить замуж! И это уже который

случай... тебе шестнадцать лет, ты уже почти женщина (по старым меркам)!

Настя тяжело вздохнула. Нет, наверно, этот разговор бесполезен.

— Ты меня не слышишь... — тихо подытожила она.

Откуда-то со стороны раздался крик... нет, даже вопль, полный ужаса и отчаяния.

Из-за кустов выпрыгнула Нина, её подруга, вся включенная, словно лошадь на дыбах, с искривлённым от страха лицом.

— Там... там! — Проямлила она, дрожа, как в судороге.

— Что? — Помертвев, спросила мама.

Настася застыла, как соляной столб. Что случилось?!

Нина едва дышала, захлёбываясь слезами в конвульсиях.

— Там татары! Настя... твой отец... его...

— Что с ним? — Хором воскликнула она и мама.

Видимо, не в силах сказать ни слова, Нина, в немом ужасе указала на дома рядом с церковью. Огонь был так высок, как деревья...

Ужас, боль, стоны, крики, в душе — пустота невосполнимая, безнадёжная, как смерть...

Чья-то холодная, мягкая рука схватила её за запястье и потащила куда-то. Было слышно лишь:

— В лес! Быстрее, быстрее!..

И побежали сломя голову вдаль, не разбирая дороги — всё знакомо...

Хотелось проснуться и понять, что всё происходящее — лишь кошмар. Но это не сон. Позади слышался незнакомый, противный говор, крики, лязг, топот копыт, чуялся удушливый запах гари...

Тут кто-то резко и грубо остановил на бегу, ухватив за волосы.

На неё смотрел, хищно скалясь, татарин.

Не выдержав, Настя плюнула прямо в его мерзкую рожу.

Татарин в ярости так хлестнул её по лицу, что если бы он всё ещё не держал её, словно в тисках, она бы опрокинулась навзничь.

Второй, так же схватил её маму и... вонзил в неё саблю по самую рукоять.

Дикий вопль эхом прошёлся по старому лесу.

— МАМА!!!

В глазах помутнело. Этого не может быть... Невозможно! Всё было так хорошо ещё час назад!..

Мир померк в холодной, беспросветной тьме, из которой, казалось бы, нет возврата...

Глава 2

Всё остальное — как в дымке. Как продали в крымский дворец, как притащили с другими полонянками сюда, на этот корабль, как заперли в этой тесной каюте — всё в полусне. Всё в том же страшном кошмаре, от которого всё никак не могла отойти...

Тот день, — день, когда всё это случилось, запомнился до предела чётко. Сначала непонимание, страх, дикий бег, крики, стук копыт, кровь... дикая ярость на того татарина и... мама...

Леденящий душу ужас давно покинул. Остались тревога и ноющая боль, зияющая мглой, как пропасть. А в целом такое чувство, будто вырвали душу. Забрали всё, что дорого. Абсолютно всё... Семейю, родину, гордость... есть ли смысл жить?!

Вот они все — полонянки. Такие разные! А с одной судьбою... их связала общая беда. Настя успокаивала рыдающих девушек. Не знала, почему не плачет сама...

Была среди них словно крепость неприступная, несломленная, не подчинённая перипетиям судьбы.

А сердце плакало. Плакало и кровоточило, как одна большая рана... Забудется ли всё это?

Ехали долго, в томительном ожидании...

чего? Либо чуда, либо ещё более ужасного, чем ныне.

Приехали в Константинополь довольно тихо, а из города увидели только пару затхлых улочек. Всё по-прежнему плыло перед глазами. Ничего не запоминалось. Большинство девушек вели в оковах. Настю, почему-то, без них. Ей было абсолютно всё равно. Шла, как безлика, грязная, сломанная кукла. Как и все они, эти девушки...

Привели на невольничий рынок. Продавать, как базарное мясо...

Мыли, натирали благовониями без конца. Наряжали... в полупрозрачную ткань и покрывала.

«Ещё и в подарочной обёртке» — со злой усмешкой подумала Настя.

Вывели и поставили в ряд. Для кого?

— Кому продавать-то нас будут? — шепотом спросила девушка у своей соотечественницы.

— Не знаю толком... — промямлила дрожащая девушка, — Там, кажется, старуха-надсмотрщица говорила на ломаном русском, что нас продадут в гарем султана... тех, кто понравятся какому-то греку...

Настя тяжело вздохнула. Да уж, хороша судьбина красным девицам в этой стране!

Вошли двое. Первый, шедший на почтительном расстоянии от второго, по всей видимости, был слугой. А второй представлял

собой странное смешение греческой, европейской внешности и восточного, турецкого стиля одежды. Длинная, тонкая шея, белая до бледности кожа, тёмно-каштановые волосы, чуть выбивающиеся из-под его причудливого головного убора, по-гречески прямой нос, немного кривая линия ехидных губ, правильные черты лица и умные, пронизательные, хитрые карие глаза. И при всём при этом богатый, усыпанный камнями восточный наряд... вельможи, что ли... такой щегольский! И шёл он так уверенно, как будто хозяин мира.

С мягкой, довольной улыбкой хищника он оглядел девушек.

— Добро пожаловать, Ибрагим-ага! — Подхалимски — сладко пропел работорговец, склонившись в глубоком поклоне.

Ибрагим, царственно кивнув, отправился расхаживать меж рядов, тщательно рассматривая каждую красивую девушку.

Работорговец столь же тщательно улавливал его интересы и с энтузиазмом рассказывал и расхваливал каждую из девушек. Ибрагим лишь усмехался его обильным излияниям.

До неё было ещё две-три девушки, как вдруг хитрый пронизывающий взгляд, зацепившись, остался на Насте.

— Постой! Покажи-ка мне вон ту...

Работорговец запнулся на полуслове.

— Вон ту?..

— Да.

Аккуратно взяв за плечо, Настю вывели из ряда.

До сих пор девушка с ужасом наблюдала за тем, как полонянок, понравившихся греку, выводят и раздевают, попутно расписывая прелести, до тех пор, пока тот не скажет «достаточно».

Чёрная рука работорговца уже коснулась покрывала, скрывающего её грудь.

Всё что угодно, только не такое унижение!

— НЕЕЕЕТ!!! — взвизгнула девушка, дико вырываясь, — Не посмеешь!

Сердце бешено колотилось в груди, глаза сверкали яростью тигрицы. А и без того пылающие волосы казались огнём вокруг головы.

Ибрагим плотоядно улыбнулся. Похоже, огненная красавица со сложным нравом!

Работорговец ухватил её за запястья и уже собирался силой сдёрнуть с неё верхнее покрывало, но Ибрагим повелительным жестом остановил его:

— Не надо, не трогай её.

Изумлённо выгнув бровь, тот подчинился.

— Я беру её, — продолжил Ибрагим, — Сколько за неё и за тех двух, что я ещё выбрал?

Глава 3

Вновь ехала не понять куда. В неизвестность. В пустоту...

На прошлое больше не оглядывалась — больно. Дышала думами о родных землях, о несчастной судьбе своей и других полонянок.

— Где же вы, земли родные, семья моя?! — Тихо всхлипнула она, забившись в угол повозки.

И оказалась в своей тюрьме. В огромном, чужом дворце Топкапы. Сколько же здесь было всего! Столько и не запомнишь. Но главное уловила Настася — сладкий, едкий и ядовитый дух гарема.

Новоприбывших девушек вновь вымыли, определили место для сна, одежду, объяснили правила.

— Кто такая? Откуда? Как зовут? — Спрашивали гаремные калфы, — не из роксоланов (русских) ли?

Девушка почти ничего не понимала.

— Я Настя! — Гордо вздёрнув головку, ответила она на своём языке.

— Будешь Роксолана, — отозвались калфы.

Кто? Роксолана? Чужое, непонятное имя...

Всякий раз, когда её так называли, девушку пробирала неизъяснимая дрожь.

«Я Настя, — про себя повторяла она, — Была и останусь Настей!»